

Яся Белая

ВЫКУПИ
меня

Яся Белая

Выкупи меня

«Литнет»

2021

Белая Я.

Выкупи меня / Я. Белая — «Литнет», 2021

~БУКТРЕЙЛЕР~ Он тот, кто разрушил мою жизнь. Тот, по вине кого погиб мой возлюбленный. Тот, за кого я должна выйти замуж против своей воли. Он – бессердечный монстр в человеческом обличье. Но он единственный, кому я могу сказать: – Выкупи меня. _____ Насилия над героиней нет! Но есть ненормативная лексика! ХЭ, одното́мник _____ История Глеба и Алёны Темниковых

© Белая Я., 2021

© Литнет, 2021

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Неожиданное знакомство	8
Глава 2. Стратегия и тактика	16
Глава 3. Старые враги и новые друзья	22
Глава 4. Свадьба и аукцион	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Пролог

Моё платье разорванно в клочья.

Они не церемонились со мной, когда тащили меня сюда.

Муж заплатил за этот наряд несколько тысяч долларов, и прежде я бы порадовалась, что его деньги пошли прахом. Но сейчас...

Клетка, как у животного. Грязный матрас на полу. Два лба на охране – мускулистых и тупых.

– Я б ей вдул, – лыбится один, лысый и татуированный, бросая на меня сальный взгляд.

– А кому бы ты не вдул? – гыкает другой. – Ты же еб**ь всё, что шевелится.

– Этой бы я особенно вдул. Во все дырки.

– Забудь. Она – товар. Кат нам голову оторвёт, если попортим.

Товар... Это слово бьётся, пульсирует в голове.

Меня продадут. Как куклу. Как игрушку. Как развлечение. Какому-нибудь извращенцу.

Надо же так было вляпаться – убежать от мужа-олигарха, чтобы отказать здесь...

Мысли работают лихорадочно – Ресовский, конечно же, ищет меня. Чтобы наказать. Ведь я сбежала прямо из отеля, где должна была пройти наша брачная ночь.

Вадим помог мне и... оплатился.

До сих пор перед глазами жуткая картина: я бегу к Вадьке, он ждёт у машины. Готов вот-вот рвануть вместе со мной... И звучит выстрел. Любимый падает. С прострелянной головой. И кровь – почти чёрная – растекается по асфальту. И алая-алая – по белизне моего платья. Её много. Я вся в его крови. Вадим умер с улыбкой. Он улыбался мне. У нас ведь всё получилось... Почти получилось...

Вадим... Меня душат слёзы. Но я не буду плакать. Не здесь. Не сейчас. Не перед этими уродами с членами вместо мозгов.

Внутри всё сжимается, скручивается в тугой узел страха и отчаяния. Что будет со мной теперь? Может, Ресовский всё-таки меня спасёт? Хочу ли я этого?

Оглядываюсь. Тёмный холодный подвал. Клетка. Грязный матрас. А впереди – торги. Вместо свободы и счастья рядом с любимым – подпольный аукцион.

Определённо, хочу. Сейчас муж видится мне меньшим из зол. Хотя я почти уверена, что в смерти Вадима виноват он. Его люди наверняка вычислили, откуда был звонок.

Да и эти отморозки, что топчутся сейчас у моей клетки, явно его рук дело.

Ресовский просто позволил мне убежать – сейчас я понимаю это чётко. Значит, он не ищет, а точно знает, где я.

Меня трясёт от холода и злости. Моё платье, пропитанное кровью Вадима, стоит колом. От роскошной причёски не осталось и следа. Тело в синяках. Я сопротивлялась, когда меня волокли сюда. Им пришлось меня усмирять.

Это и есть наказание Ресовского.

Оно началось!

Осознание того, что я сама себя загнала в западню, заставляет сжимать кулаки и рычать от бессилия.

Гад! Ублюдок! Тварь!

Так и вижу его самодовольную ухмылочку.

Мы с Вадимом думали, что просчитали всё. Оказывается, просчитались везде. Ресовский был на шаг впереди.

Не удивлюсь, если сейчас он сидит где-нибудь в роскошном кабинете, попивает абсент и через камеры смотрит во что превратилась его строптивая жёнушка.

И ликует, мразь.

Я уверена, что он ликует и празднует победу. Потому что я сдамся. Я буду умолять сама. Мне слишком страшно и слишком гадко здесь.

Хочется в ванну, чистую одежду, тепло.

Проигрывать больно. Но... Это лишь первый раунд. Следующий будет за мной. Уж я постараюсь. Мне теперь есть, за что мстить. За смерть Вадима он дорого заплатит. Очень дорого. Кровью!

– Она здесь? – этот голос заставляет меня дрожать ещё сильнее. Столько в нём льда и стали.

Я не слышу, что отвечают ему, но когда дверь распахивается – понимаю, что ответ был утвердительным.

Амбалы, охраняющие меня, переглядываются и отходят в сторону. Дальше – уже не их дело.

Ресовский перешагивает через порог. Попадает в полосу света. Дорогой, стильный, изысканный. Неуместный здесь, в этом грязном сыром подвале. Словно бриллиант среди дерьма.

Я чувствую себя этим дерьмом – замызганная, в изорванной одежде, с растрёпанными волосами.

Ему нравится моё падение.

Он рассматривает меня с лёгкой улыбкой. Как диковинную зверюшку. Я забавляю его.

Меня раздрает изнутри – страх, ненависть, бессилие.

Я ничего не могу, полностью в его власти, завишу от его милости.

Аристарх Ресовский не прощает предателей. А я его предала. Хуже – размазала, унизила, поманила и бросила.

Он был убедителен... там... в номере отеля... я едва ли не отдалась ему. Целовал сладко, говорил красиво. Про медовый месяц на Багамах. Но забыл одно – я не продаюсь. Те, кто продал меня ему, – не хочу больше считать их своими родителями! – не спросили меня. Не узнали моего желания. Он предложил деньги, и меня продали. В двадцать первом веке! В правовом государстве! Отец извинился, мать сказала, что так будет лучше для всех. Для них. Не для меня. Мне не оставили выбора. Я постаралась взять его сама. И потеряла окончательно.

Ресовский пугает меня до икоты – закрытый, холодный, циничный. У него слишком много денег, чтобы считаться с другими. Он может купить всё. Он может сделать, что угодно и ему ничего за это не будет. Он вхож в любое министерство и даже, говорят, к самому президенту.

Но там, в его мире, – тепло, светло, есть вода. А я слишком слаба. Я оказываюсь не готова к таким испытаниям. Мне всего двадцать, я не хочу сгинуть в каком-нибудь борделе или в лапах извращенца.

Сердце колотится в горле. Мысли путаются. Гордость ещё сопротивляется. Но я давлю её.

– Забери меня отсюда, – хриплю, не узнавая свой голос.

Ресовский хмыкает:

– Чтобы ты опять сбежала?

Засовывает руки в карманы, перекачивается с пятки на носок. Высокий, сильный, довольный жизнью хищник. Сейчас ему охота поиграть с глупой мышкой. Но мышка слишком устала и измучена, она готова прыгнуть в пасть монстру добровольно.

Сжимаю прутья клетки до побелевших пальцев.

– Я больше не убегу. Ты знаешь. Вадима больше нет. Никто не поможет.

Рублю слова, как робот. Глотаю слёзы. Часто моргаю.

Я действительно одна в целом мире. Любимого больше нет, а друзей у меня и не было – родители постарались. По жуткой иронии я могу рассчитывать только на этого человека. Нет, на чудовище, не знающее милосердия. На бессердечного циника.

– Похвально, – говорит Ресовский, добивая меня своим спокойствием, – но я не могу так просто тебя забрать. Ты – товар и принадлежишь сейчас другому человеку.

Сглатываю.

Понимаю, чего он хочет.

Чтобы я сломала себя. Сама. Окончательно. Сдалась. Чтобы умоляла.

И я падаю на колени, вцепливаюсь в решётку, как в спасательный круг, и молю:

– Выкупи меня.

Лучше он. От него я вытерплю всё. Он жесткий, но не извращенец. Вроде бы. Я не знаю. Но тогда в номере он был почти нежен со мной. Обещал взять меня ласково в мой первый раз.

Униженная я нравлюсь ему ещё больше.

Ресовский склоняет голову набок, ухмыляется, как сытый кот.

– Хорошо, – говорит он, а меня начинает трясти, потому что это согласие потянет за собой условия. И я не ошибаюсь. – Но ты станешь моей куклой, подстилкой, вещью. Я буду делать с тобой всё, что захочу и когда захочу.

Дерёт холодом по спине.

Всё ещё хуже.

Я сама загнала себя.

Дура.

Но сейчас у меня действительно нет выбора – я коченею, голодна и измучена. Не хочу заболеть. Болезнь – последнее, что мне нужно.

– Я согласна.

– Звучит, как музыка, – довольно отзывается Ресовский и бросает моим похитителям: – Подготовьте её! Торги начнутся через полчаса.

– Нет! – кричу я. – Аристарх, не делай этого!

Не хочу стоять на подиуме и чтобы на меня пялились сальными глазами похотливые самцы. Не хочу!

– А как иначе, Ника, – говорит он, будто вдалбливая прописную истину глупцу. – Чтобы я мог купить тебя, нужно тебя сначала выставить на продажу.

Вот так просто. Будто речь идёт о покупке акций или нового Порше.

Кричать и упрашивать бесполезно.

Он просто разворачивается и уходит.

Меня продадут. Он купит. Я стану его рабыней. Лишусь свободы окончательно. Но главное – я буду жить.

Жить, ради того, чтобы однажды всадить нож в его ледяное сердце.

Глава 1. Неожиданное знакомство

Двумя неделями ранее

НИКА

Машка нервно ёрзает на стуле. Она ещё не съела и крошки из того, что набрала. Слишком занята новостью.

– Тебя, правда, не волнует, что сегодня к нам приезжает сам, – она прерывается и поднимает палец вверх, – САМ Ресовский?!

– Нет, – честно отзываюсь я, утыкаясь в телефон. Куда больше меня волнует переписка с Вадимом. Любимый флиртует, и это путает мои мысли и ускоряет сердечный ритм. Вадим у меня – правильный. Ни-ни до свадьбы. Но помучить меня вот такой жаркой перепиской, подразнить – обожает. Вадим – моё солнце, мир, жизнь. Без него – только тусклое, неинтересное существование.

Машка в шоке. Она хватается свой айфон, что-то быстро листает и поворачивает гаджет ко мне.

Очень красивый темноволосый мужчина в расслабленной позе сидит в кресле и лёгкой усмешкой смотрит перед собой. Кажется, он насмехается надо мной. Он достаточно молод – на вид около тридцати или чуть больше, но при этом во всей позе сквозит пресыщенность умудрённого жизнью старика.

Вскидываю брови, смотрю на Машу:

– И?

– Ну, он же красавчик и мегасекси! – выпаливает подруга. Она не боится кричать. Столовая Академии гудит, как пчелиный улей. Хотя, наверное, правильнее – как осиное гнездо. Тут все только и норовят ужалить друг друга побольнее. Все соперники. Нет друзей. Мы с Машей тоже не дружим. Просто сидим вместе с первого курса.

– Ну, да, неплохо выглядит, – киваю на гаджет в руке подруги.

– Неплохо? – тянет Машка и округляет глаза.

– Ладно, круто, очень круто, – соглашаюсь я (ну не отрицать же очевидное?) – и что?

– Ну как ты не понимаешь. Он будет здесь! Живой Ресовский! Тот самый из списка Форбс! Это же шанс!

– Шанс на что? – я действительно не понимаю и не разделяю Машкиной радости. Более того, она сбила у меня настроение флиртовать. И теперь я лишь вяло отвечаю Вадиму. Злюсь на Машку – из-за неё осталась без *сладкого*. У нас с Вадькой всё уже переходило в пожароопасную стадию.

– Привлечь его внимание.

– Зачем?

– Ррр, Ника! – бесится она. – Ты как с Луны. Неужели не видела его статус в Фейбукe?

– Нет, я и о нём самом-то узнала от тебя только.

– Ну, ты даёшь! – Машка снова роется в гаджете и снова поворачивает экран ко мне, едва ли не в нос тычет. – Вот! – стучит пальцем с ярким маникюром по надписи. Возле фотографии Ресовского красуется фраза: «Ищу тебя».

– Маш, – разочаровываю одноклассницу, – он может искать кого угодно.

– Дура ты, Ника! – злится она. – Ясно же, что он ищет свою единственную.

– Даже если так, – отзываюсь равнодушно. – С чего ты взяла, что это – ты?

– А почему не я? – Машка выпячивает вперёд свой *третий почти четвёртый*. Натуральный. А ещё она блондинка. Природная. Может и прокатить. Это рыжих бестий, вроде меня, не любят. Боятся. Считают роковыми. А блондинок предпочитают.

Ну что ж, если она считает, что у неё есть шанс – пусть попробует.

– Тогда рискни, – говорю и понимаю, чтобы отнести поднос. Мысленно выстраиваю дальнейшие планы на остаток дня – хотела заглянуть в библиотеку, подобрать литературу по своему проекту.

Машка поднимается вместе со мной.

– Помоги мне! – просит она, умоляюще глядя на меня.

Она выше, но её взгляд сейчас не кажется снисходительным, как обычно.

– Как? – недоумённо спрашиваю я.

– Идём, – она забирает у меня поднос, ставит на стол, подхватывает наши сумки и оглядывается, будто обокрала деканат. – Я всё уже распланировала. Но здесь рассказать не могу.

А я не могу отказать Маше – она несколько раз помогала мне удрать от родителей, чтобы побыть с Вадимом. Прикрывала меня. И я не уверена, что мне и в дальнейшем не понадобится её помощь.

Машка затаскивает меня в пустую аудиторию и выкладывает план.

– Я всё изучила. Даже переспала со старостой управленцев – они устраивают эту встречу. Макс показал мне план – как Ресовский будет идти, куда, откуда войдёт. Всё-всё. Нужно только попасться ему на глаза.

– Так управленцы тебя и пустили в святая святых. Губу закатай.

– Ой, Ника, дура ты, – она качает головой. – Понимаешь, я дважды переспала с Максом. Он поможет. Потому что рассчитывает на третий раз.

– Слушай, – меня передёргивает, – ты собираешь переспать со всей Академией? Уверена, что потом будешь нужна Ресовскому? Сотрёшься же! – ехидничаю беззастенчиво.

Машка поднимает палец вверх:

– Не сотрусь, а отшлифуюсь. Буду как бриллиант. А он станет моей оправой. И поверь мне – мужики любят опытных, а не стесняшек вроде тебя. Ты ж наверное в обморок грохнешься при виде члена.

Фыркаю. Я, конечно, девственница, но не настолько отсталая.

– Не волнуйся за меня. Мы с Вадимом сами разберёмся.

– Да уж, – ухмыляется Машка, – пока вы надумаете разбираться, ему придётся отбойный молоток покупать. Зарастёт у тебя всё на хрен.

Закатываю глаза – познания в физиологии у некоторых ровесниц меня удручают. Хуже, чем каменный век.

– Хорошо, – говорю я. – А дальше?

– Дальше, дождёмся, пока он достигнет середины этажа, и мы с тобой выйдем из-за угла ему на встречу. Будем бурно разговаривать. Потом я споткнусь и полечу ему прямо в объятия.

– Замечательный план! – показываю палец вверх. – Только я причём?

Машка хлопает веерами нарощенных ресниц.

– Ну не могу же я разговаривать сама с собой.

– Логично, – соглашаюсь. – Идём. Пусть тебе повезёт.

Машка тянет меня в заранее приготовленное место. Ещё раз всё выверяет: вот он движется по основному коридору в сторону актового зала управленцев. Вот мы идём по боковому ему наперерез. Всё вроде бы должно получиться.

Машку ощутимо трясёт.

– Как я выгляжу? – сотый раз переспрашивает она, поправляя причёску.

– Хорошо, – честно комментирую я.

Особенно, на моём фоне, – хочется добавить. Но мне холостяков-миллиардеров не соблазнять. Можно быть немного растрёпанной, в балахонистой длинной юбке, растянутом свитере, ботинках на тяжёлой платформе. Я хожу в Академию за знаниями, а не красоваться, как кое-кто.

По шуму, доносящемуся из основного коридора, понимаем – Ресовский приехал и уже здесь.

Счёт идёт на секунды. Машка покрывается испариной.

Шаги всё ближе.

Пора.

Мы выходим и бурно обсуждаем последнюю лекцию по социологии. Там есть, что обсудить. Вернее, как обсуждаем. Говорю я – Машка слушает и кивает. Она ни хрена не понимает в социологии. Впрочем, в других науках тоже.

Не смотрю вперёд, не смотрю на Машу, жестикулирую. Кажется, на меня накатило вдохновение.

– Понимаешь, социальная стратификация... – Черт бы побрал эту длинную юбку!

Путаюсь в подоле, неуклюже лечу вперед.

Почти у самого пола меня подхватывают сильные мужские руки. Вскидываю голову, встречаюсь с внимательным взглядом больших карих глаз. Губы мужчины кривит довольная усмешка.

Продолжая удерживать меня за локоть, он притягивает меня к себе непростительно близко, на глазах у всех, отводит за ухо непослушную прядку и говорит:

– Вот я и нашёл тебя.

АРИСТАРХ

Когда я вижу её в первый раз – она смеётся. Так искренне, задорно, по-настоящему весело. И от этого смеха незнакомой рыжей девчонки становится светлее и, одновременно, щемяще грустно. В моём мире уже давным-давно никто не смеётся так. Здесь только дежурные улыбки, ехидные смешки, презрительное фырканье. И ничего натурального. Вместо отношений – игры. Бесконечные выматывающие игры. А ещё продажность – продаётся и покупается всё что угодно: родители, дети, любовь, право на счастье.

Вот только та девчонка, что шла по скверу и смеялась, она не продаётся. Я знаю. Таких девочек – умеющих искренне смеяться, одетых просто и безыскусно, чуть растрёпанных и невинных – в моём мире просто нет. Светские львицы, акулы и тигрицы просто перекусывают их на подлёте. Потому что слишком силён контраст.

Рыжая девочка очень юная. Сколько ей – восемнадцать? Чуть больше? Раньше я никогда не обращал внимания на таких пигалиц. Ровно до той поры, пока не понял – среди сверстниц ловить нечего. Все они будут с прошлым, с багажом, а то и с довеском. А я так не хочу.

Хочу эту – нежную, смешливую, похожую на весну.

Интересно, какого цвета у неё глаза? Загадываю – ярко-зелёные, как молодая листва.

У рыжих обычно очень белая кожа.

И пахнет она, наверняка, цветами. Чем-нибудь весенним – нарциссами, фиалками, гиацинтами...

Хочу её. Себе. Навсегда.

Но как найти её в миллионном городе? Рыжую, что мелькнула ярким солнышком за окном авто. Тронула серебристым смехом через закрытые окна.

То ли девочка, а то ли виденье...

Как найти?

Думать.

Район, где я её увидел. Посмотрим, что у нас тут, есть ли зацепка. Открываю онлайн карту, приближаю нужную локацию и – бинго! – Академия маркетинга и социально-политиче-

ских технологий. Отлично! Круг поиска сужается – девочка точно студентка этого вуза. Сквер, через который она шла, прилегает вплотную к основному корпусу вуза. Теперь посмотрим, какие специальности здесь дают? Ну, стандартные – экономист, юрист, управленец, менеджер – отмечаю сразу. Девочка по виду – чистый гуманитарий. Вспоминаю её образ – длинная в пол юбка в яркую клетку, коротенькая курточка до талии, из-под неё – бесформенный свитер. Ботиночки на тяжелой подошве. Джинсовый рюкзачок. Девушки, которые так одеваются, обычно хорошо учатся на какого-нибудь филолога. Но филологического факультета в Академии нет. Значит, будем подбирать близкое. Вот, кафедра социально-гуманитарных наук и международных коммуникаций подходит.

Улыбаюсь.

Кажется, я поймал тебя, моя рыжая весна.

Захожу в Фейсбук и ставлю статус: «Ищу тебя». Зачем? И сам не знаю. Юные студенточки читают соцсети и западают на олигархов.

Чёрт. Я почти что ей себя предлагаю. Порываюсь убрать, потом всё же решаю оставить.

И забываю до вечера – чередой дел оттягивает внимание на себя. В соцсети захожу уже поздно ночью – всегда делаю это перед сном. Если, конечно, один, как сегодня. Открываю мессенджер и почти что слышу грохот от сыплющихся на меня сообщений. Куча девиц пишет одно и то же: «Ты уже нашёл», «Вот она я», «И я тебя ищу». И фото-фото-фото: блондинки, брюнетки, шатенки, есть и рыжие. Нет её.

Дурак ты, Аристарх. Она не такая. Она не стала бы предлагать себя. Она, возможно, даже не знает о тебе.

Но я-то знаю. Знаю и хочу. Всю. Всякую. По-всякому. В этой постели, на столе, у стены. Стояк просто каменный от одних только мыслей.

Дожился!

Хуже – допрыгался. До самоудовлетворения.

Да ну на хер!

Хватаю телефон, чтобы позвонить в знакомый эскорт – там умелые безотказные на всё согласные девочки.

Только вот... не она.

Блядь!

Хочу быть у девушки первым. Хоть раз. У рыжули, уверен, буду. Так зачем же сейчас размениваться на суррогат? Скоро она станет моей. Даже не сомневаюсь в этом. Что там говорила маман на счёт наследства? Что лишит, если я не женюсь в ближайшее время. Мать – после смерти отца – глава нашей корпорации. И она может воплотить угрозу в жизнь. Значит, решено, женюсь! На рыжей!

Матерясь, иду в душ и быстро передёргиваю.

Блядь, как задрот какой-нибудь.

Упираюсь лбом в холодный кафель.

Противно.

Стыд, злость, опустошённость. Всё, что угодно, кроме удовлетворения.

Заснуть так и не получается.

Просыпаюсь злющий. Набираю начальника службы безопасности.

– Глеб, зайди через пятнадцать минут.

– Есть, шеф, – чётко отвечает тот.

Спускаюсь в кабинет ровно через четверть часа, как и обещал.

Безопасник уже ждёт.

Глеб Темников – профессионал высшей категории. Я его из ФСБ сманил. Он может любого из-под земли достать. В буквальном смысле.

Прохожу, сажусь в кресло, указываю ему на соседнее – кабинет у меня большой. В эркере – два кресла и журнальный столик. Удобно для конфиденциальных бесед.

– Найди мне девчонку.

Глеб хмыкает:

– Неожиданно. Но вот только я – по другой части.

Ещё бы – порядочный семьянин по уши влюблённый в собственную жену.

– Не ёрничай, – осаживаю сразу, потому что мне не до шуток. – Мне нужна конкретная девушка.

– Отлично, давайте данные, к вечеру будет полное досье.

– С данными, Глеб, и я бы смог. А так – только ты. Могу дать лишь ориентир, наводку. Я не знаю её имени. Видел один раз мельком из окна машины, когда проезжал мимо.

Глеб присвистывает, но не стебётся. Его красавица и умница Алёна ему – в прямом смысле – на голову свалилась. Глупышка вздумала пришла на собеседование, но что-то пошло не так, тогда она вылезла в окно и прыгнула. Хорошо, что у Глеба чёткая реакция – поймал и больше не отпустил.

– Лихо вас зацепило, шеф, – констатирует он.

– Не то слово. Сможешь найти по описанию? Она, скорее всего, студентка Академии маркетинга и социально-политических технологий. Гуманитарий. Там только одна гуманитарная кафедра.

– Без проблем, шеф, – рапортует Темников. – Вечером у вас будет полная информация. Уважаю профессионалов.

Еду в офис, чтобы занять себя и не думать каждую минуту о рыжей. Благо, дел полно, и они здорово отвлекают.

А ровно в шесть на мой стол ложится пухлая папка – Темников не подвёл. Открываю и сразу же зависаю на фотографии рыжей. Как же она хороша! Нежная, юная, естественная. Ни грамма фальши и косметики. И глаза – зелёные, как заказывал. Белая кожа, медь волос, чуть вздёрнутый носик, пухлые губки.

Вероника Зайцева, двадцать лет, будущий специалист по международным коммуникациям. Чем сей зверь занимается – неведомо. Просто ещё одна бесполезная профессия. Но девочка и её получает со всем рвением – в зачётке только «отлично».

Едва Глеб уходит, как я набираю Алёну – она мой личный референт. Я сам предложил Темникову такой расклад, потому что мне надоело отмазывать его за то, что он избил её очередного работодателя. Алёнка-то верная, но очень уж смазливая и аппетитная. Поэтому каждый новый начальник норовил залезть ей под юбку. А Глеб такого стерпеть не мог. Вот я и сказал: пусть выходит ко мне личным помощником. Алёнка не только красавица, но и умница. Училась за границей, свободно владеет тремя языками, ас в делопроизводстве – ответственная, пунктуальная, строгая. Именно такого референта я и искал. И сейчас, когда Темникова появляется в моём кабинете, я с тоской смотрю на её – уже весьма внушительный – живот. Скоро уйдёт в декрет, и где мне, скажите на милость, замену искать? Алёна слишком высокую планку задала.

– Алёна Олеговна, – говорю ей, – организуйте мне на этой неделе посещение Академии маркетинга.

– Но у вас на этой неделе, Аристарх Иванович, нет свободного дня. Даже часа нет.

– Найдите, – давлю я.

Алёна кивает.

– Хорошо. В четверг у нас под вопросом встреча с производителями лекарственных растений.

– Переносите на пятницу. Там вроде было окно с двух до трёх.

– Да, – соглашается Алёна, – но встреча с производителями обычно занимает больше часа.

– Ужмём регламент.

Алёна кивает, делает пометки в блокноте и уходит.

Сегодня вторник. Нужно продержаться до четверга.

И, милая зайчишка...

Веду пальцами по контуру личика – овал просто идеальный! – и довольно улыбаюсь.

...прячь скорее свой симпатичный пушистый хвостик.

Я выхожу на охоту.

И я тебя съём.

НИКА

Пытаюсь оттолкнуть мужчину.

Слышу за спиной злобное сопение Машки.

Но отпускать меня никто не собирается. Более того, притягивает к себе и целует. Беспременно, нагло, врываясь в мой приоткрытый от удивления рот. Сминает губы, сплетает наши языки. Я отвечаю! Почему? С ума сошла? Или просто потому что никто и никогда меня так не целовал. Целомудренные поцелуи Вадима – не в счёт. Я цепляюсь за лацканы пиджака Ресовского, дурею от аромата его парфюма, утекаю, изменяю Вадьке.

Вокруг шумят, фотографируют, постят тут же в соцсети.

Будет скандал.

Сердце колотится так, что вот-вот выпрыгнет из груди.

Меня безжалостно хватают за волосы и оттягивают от мужчины. Он лишь на мгновение разжимает руки, но ей достаточно и этого, чтобы наброситься на меня.

– Гадина! Коза драная! Уродка! – вопит Машка и всю колбасит меня за волосы. Ещё немного – останусь без скальпа. Силы слишком неравны – Машка и выше, и плотнее меня. Я же – мелкая, «полтора метра в прыжке». Да ещё и тощая. Отбиться не получается.

Слава уж не знаю каким силам – нас кидаются разнимать.

Ресовский сначала опешил от такого напора Маши, но быстро приходит в себя и легко отбрасывает её прочь. Машка порывается снова ринуться в бой, но её перехватывает Макс – староста управленцев. Смотрит строго, дырку в ней прожигает.

– Пойдём-ка, дорогая, – выплёвывает он, – поговорить надо.

Макс высокий, сильный, капитан академической команды по регби. Из его хватки девушке не вырваться.

Ревущую Машку буквально уносят прочь, а Ресовский галантно протягивает мне руку.

Я ненадолго залипаю, рассматривая его ладонь – красивую, аристократическую, с пальцами, как у моих любимых персонажей аниме. Робко вкладываю в неё свою.

Ресовский помогает мне подняться.

Мне приходится задрать голову – я ему только до груди достаю. Он почти нежно проводит по скуле, на которой теперь наверняка останется синяк – Машка постаралась.

– Вы пострадали из-за меня, – говорит он, укутывая меня в бархат своего низкого, чуть хриповатого голоса, и будто отрезая от любопытной толпы, которая продолжает нас фоткать.

Мягко отстраняю его руку:

– Я пострадала из-за собственной глупости, – разворачиваюсь, чтобы уйти, но он перехватывает меня за руку.

– Ну, уж нет. Так не пойдёт. Я должен искупить свою вину. Я отвезу вас домой.

Со всех сторон раздаются восторженные возгласы и аплодисменты.

Спектакль им, блин.

Пунцовею. Не знаю, куда деть глаза.

– Отпустите меня, пожалуйста, – прошу почти жалобно. Мне хочется убежать и провалиться сквозь землю. Сегодня интернет будет просто гудеть и взрываться. И это обязательно дойдёт до Вадима. Мне придётся оправдываться, а я ненавижу оправдываться.

– И не подумаю, – нагло отвечает Ресовский, сильнее перехватывая меня за руку. – Идёмте.

– А как же конференция? – напоминает кто-то сбоку.

Но господин олигарх лишь изволят лениво махнуть холёной ладонью:

– В другой раз, – и тащит меня к выходу, как собачонку на поводке. По обе стороны от нас идут высокие мрачные типы в чёрных костюмах – телохранители. И я ощущаю себя крайне неловко, оказавшись между ними.

– Прошу вас... – начинаю и осекаюсь, судорожно пытаюсь вспомнить его имя. Чёрт, Машка же говорила! Вроде?

– Аристарх, – подсказывает он, чуть оборачиваясь ко мне и разглядывая с усмешкой.

– Прошу вас, Аристарх ... – возобновляю попытку.

– Тебя, – перебивает он. – Пора переходить на «ты».

– С чего вдруг? – по лестнице вниз мы несёмся так быстро, что я едва ли не ударяюсь каждый раз в его широченную спину.

– С того, что я тебя нашёл и теперь уже не отпущу.

– Что это значит? – недоумеваю я, с трудом поспевая за его шагами.

– Это значит, Ника, – уверенно говорит он, хотя я точно помню, что не представлялась в ответ, – что ты будешь моей.

– Ваш... Твоей? Кем твоей?

– Женой, – безапелляционно заявляет он.

Резко торможу, врезаясь в него и заставляя тем самым оглянуться, выдёргиваю руку из ослабевшего захвата.

– Если это шутка, то очень неудачная.

Он рассматривает меня с явным интересом, как диковинную зверюшку:

– Я похож на шутника? – спрашивает вкрадчиво.

Мотаю головой:

– Нет, разумеется, нет...

– Но вот и не спорь со мной, – уже куда резче, чем прежде, говорит он. – И если будешь упрямиться – взвалю на плечо и унесу попой кверху на глазах у всей Академии.

Густо краснею:

– Да что вы... ты... себе позволяешь!

– Всё, что хочу, – ухмыляется этот наглец и снова пытается взять меня за руку.

Отвожу руки за спину.

– И всё-таки – что происходит?

– Ника, у меня нет времени на препирательства с тобой. Нам нужно ехать в ЗАГС и подавать заявление.

– У меня вообще жених есть. И замуж я не собираюсь. Тем более – за тебя.

Внутри всё не просто кипит – клокочет, как вулканическая лава.

– Уймись! – одёргивает он меня почти зло. – Я вывалил за тебя приличную сумму твоим родителям.

Родителям? Моим удочерителям. Когда Элина Сергеевна и Мирон Михайлович пришли в приют забирать меня – цели у них были весьма конкретные. Они их даже не скрывали.

Осмотрев выставленных девочек требуемого возраста, Элина Сергеевна кивнула на меня и заявила:

– Эту возьмём. Рыжие, говорят, к деньгам.

– Дорогая, – робко, как обычно, поправил её Мирон Михайлович, – по-моему, там имелись в виду кошки.

– Да? – вскинула идеальные брови нафуфыренная дама лет тридцати пяти. – Не важно, я чувствую, эта девочка ещё принесёт нам дивиденды.

Так они и удочерили меня.

Я никогда не звала их «мамой» и «папой». Потому что люди, которых я называла так тепло, погибли в автокатастрофе, когда мне было всего пять.

С семи – я в семье Зайцевых. Я росла, зная, – единственная моя ценность в том, чтобы привести в дом богатого зятя. Именно поэтому Элина Сергеевна и засунула меня в Академию.

«Там же управленцы!»

Этого оказалось достаточно для выбора учебного заведения. Единственное, что мне удалось, – отбить будущую специальность. Элина Сергеевна скрепя сердце согласилась.

И вот теперь... теперь она осуществила свою мечту в жизнь – продала меня. Ресовскому. Дорого.

Меня душат слёзы. Я давно не чувствовала себя такой беспомощной и несчастной. Абсолютно одинокой.

Никому нет дела до моих планов на жизнь.

До моей мечты. Моих желаний.

Пришёл. Увидел. Купил.

Ненавижу!

И его, и тех, кто пытались все эти годы строить из себя моих родителей.

Ненавижу!

Мне удаётся протиснуться мимо Ресовского, и я стремительно несусь вниз.

Он бросает мне в спину:

– Ну, побегай, если хочешь. Это полезно.

Выскакиваю из Академии, бегу в сквер, падаю на скамейку и рыдаю. Достая телефон, судорожно набираю Вадима и закусываю губы, ожидая, пока в трубке раздастся родной и любимый голос...

Глава 2. Стратегия и тактика

НИКА

Вадим – моё всё.

Приёмные родители очень старались, чтобы я выбрала выгодного жениха. Я не ходила на дискотеки, в клубы, да и вообще почти что не общалась со сверстниками. Но если честно – не очень-то от этого и страдала. Моими лучшими друзьями были книги – в центральной библиотеке моё фото не покидало стенда «Лучшие читатели». Учиться я любила и люблю. Процесс получения знаний доставляет мне ни с чем несравнимое удовольствие.

Я считала себя холодной и рассудочной ровно до той поры, пока не встретила Вадима. Парни меня не интересовали ни в школе, ни в Академии. Но не переживала по этому поводу, полагая, что просто фригидна и слишком рациональна. И была даже этому рада – Элина Сергеевна ведь не скрывала, какая судьба меня ждёт. А если будет брак без любви, так может моя холодность и к лучшему?

Вадим появился у нас дома два года назад – я тогда как раз поступила в Академию. И «родители» решили усилить контроль – установить видеонаблюдение в каждой комнате. Вадька был бригадиром. Серьёзный взрослый (во всяком случае, так ощущались его двадцать три с моих восемнадцати). А ещё – надёжный. Я сразу это почувствовала в нём.

Нас потянуло друг к другу с первого взгляда, вспышкой, прострелившим электричеством. Когда я попала под очарование светлой улыбки Вадима. Он у меня привлекательный – высокий (не такой, как Ресовский, но всё-таки выше среднего), стройный, спортивный. Голубые глаза, смуглая кожа, русые волосы. Умный, интересный, спокойный. А ещё – очень бережный. Относится ко мне, как к хрустальной. Ответственный – хочет, чтобы у нас была красивая свадьба и хоть небольшая, но своя квартира. Ради этого работает, как проклятый.

Конечно, Элина Сергеевна никогда не примет его и не согласится с таким мужем. Но я не намерена её больше слушать. Вадима выбрало моё сердце.

А Ресовский?

Если ей надо – пусть сама выходит за него замуж.

– ... алло, малыш... – уношусь мыслями в воспоминания и не сразу понимаю, что Вадим ответил, а я и не услышала.

– Вадька, Вадечка, родной, – рыдаю. – Меня продали. Отдали ему, как вещь.

– О ком ты? – не понимая, спрашивает любимый.

– О Ресовском.

– О каком Ресовском? – недоумевает Вадим.

– Том самом, – хнычу я. – Олигархе. Владелец сети фармакологических предприятий.

– Чёрт! Эти фото в сети – не розыгрыш? – в голосе Вадима нет злости, скорее тревога.

– Да, – горько вздыхаю. – Он и к родителям добрался. Купил меня. Явился прямо в Академию. Оpozорил.

– Так, Ника, успокойся, – строго говорит Вадим. – Посмотрел твою геолокацию. Ты в сквере? – подтверждаю. – Отлично, там рядом такси. Сегодня Сашка Дейнека, мой друг, таксует. Сейчас скину номер машины. Дуй ко мне в офис. Всё обговорим.

От уверенного голоса Вадима становится легче. И сердце наполняется благодарностью, что любимый не устраивает сцен ревности на пустом месте. Он однажды сказал мне: «Ревность унижает партнёра. Она исключает доверие». А мы с Вадимом доверяем друг другу безгранично.

Офис у них находится в старом фарфоровом заводе. Здание ещё дореволюционной постройки. Сейчас его делят разные конторы – тут и агентство недвижимости, и страховая компания, и адвокаты.

Ребята приютились на чердаке. В интерьере у них настоящий лофт. Он очень идёт к брутальным навороченным компам и прочему оборудованию, на котором работают парни. Поскольку Вадим – руководитель, то у него небольшой кабинет. Просто коморка, отгороженная в углу общего зала. Но и этого хватает для уединения.

Вадим встаёт, обнимает меня, притягивает к себе. Я вдыхаю родной запах и успокаиваюсь.

Он целует в волосы, садится в кресло, устраивает у себя на коленях.

– Расскажи всё по порядку, – просит, переплетая наши пальцы.

Выкладываю всё – с плана Машки до моего побега. Как хорошо, что Вадим верит мне безоговорочно.

Внимательно выслушав меня, Вадим трёт подбородок, тронутый лёгкой, очень идущей ему, щетиной.

– Плохо дело, детка.

– Да, – соглашаюсь. – Ещё как.

Вадька собственнически прижимает меня к себе:

– Я тебя ему не отдам.

– Не отдавай, пожалуйста, – беру его чуть шершавую ладонь и прижимаюсь к ней щекой.

– Видимо, пришло время действовать. Пора увозить тебя отсюда.

Моё сердце наполняется ликованием – это то, чего я хочу больше всего: с ним! на край света! Подальше от Ресовского и Элины Сергеевны.

– Ты ведь выйдешь за меня?

– Спрашиваешь! – сияю в ответ.

– Тогда доверься мне – я придумаю, как вытащить тебя.

Я доверяюсь, полностью, без остатка.

Тянусь за поцелуем, когда телефон в моем рюкзаке просто взрывается. Этот рингтон у меня стоит только на одного человека. Её я хочу слышать меньше всего. Но ответить надо.

– Элина Сергеевна, – произношу почти недовольно: сейчас, в объятиях Вадима чувствую себя уверенной и нахальной, – что случилось?

– Что случилось? – визжит приёмная родительница. – Где тебя носит? У нас гости с минуты на минуту! Бегом домой!

Мне хочется её послать, но Вадим качает головой: пока нельзя.

И шепчет одними губами:

– Иди. Я скоро приду за тобой.

Мне приходится приложить усилие, чтобы встать с его колен и разорвать наши объятия. Но тёплый, полный любви взгляд придаёт сил.

У нас всё получится.

Удача любит дерзких.

От Вадима я ухожу со щитом...

Домой бегу почти счастливая. Чтобы не придумали родители – в моём сердце царит уверенность: у нас всё обязательно получится. Память согревает тёплый взгляд Вадима.

Элина Сергеевна встречает меня на пороге – неслыханно! Стоит, подбоченясь, злая-презлая.

– Где ты была? – выпаливает она, едва я вхожу в калитку.

У Зайцевых, моих приёмных родителей, двухэтажный коттедж. Он мог бы быть уютным и привлекательным для жизни, так как расположен в престижном, утопающем в зелени, пригороде, если бы его хозяева не являлись столь надменными типами. Мирон Михайлович и Элина Сергеевна полагают, что весь мир им обязан. А бизнес раз за разом прогорает, потому что кругом воры и коррупция. Поэтому единственный выход – выгодно продать меня и жить безбедно до конца дней.

Не выйдет.

– В Академии, – отвечаю вроде бы честно.

– Да ну, – ехидно тянет приёмная мать, – вообще-то мне звонила Маша и сказала, что ты оттуда ушла с Ресовским. И я даже обрадовалась – так этой белокурой стерве и надо. Но тут мне позвонил Ресовский и сказал, что ты сбежала и от него. Что происходит, Ника?

– Записалась в театральный и сходу получила роль Колобка, – тут уже вру напропалую, и мне ни фига не стыдно.

– Поговори мне ещё! – злиться мать. Она бы залепила мне пощёчину, но сегодня, видимо, решила сдержаться – товар должен быть с лицом. – Бегом приводи себя в порядок! Скоро приедет Ресовский!

– Зачем? – хлопаю глазами.

– Затем, дура, – выплёвывает она, – что ещё раньше днём он попросил твоей руки. Теперь хочет с тобой пообщаться о твоём предстоящем замужестве. Нюансы обсудить, так сказать.

Я прохожу мимо неё, пересекаю просторный холл и направляюсь к лестнице наверх.

Мать семенит следом.

На нижней ступеньке останавливаюсь и оборачиваюсь к ней.

– А разве вы уже не обсудили *нюансы*. В долларах? В евро?

Она фыркает:

– Мы-то обсудили, – показывает пальцами хруст купюр, – но Аристарх Иванович – благородный человек. Он считает, что окончательное решение должно быть за тобой, Ника.

Мне хочется расхохотаться – кукле в магазине создают иллюзию добровольности.

– Интересно, – говорю, глядя прямо в глаза Элине Сергеевне, – а если я ему откажу, он будет столь же благороден?

Мать хватается за сердце.

– Не шути так, дрянная девчонка. Будь благодарной за то, что тебя приютили и вырастили.

Ничего не отвечаю, иду к себе.

Не хочу видеть Ресовского, не хочу с ним разговаривать, не хочу для него наряжаться. Но! Мне надо попробовать наладить диалог. В конце концов, мы живём в цивилизованном государстве, а он – вроде бы адекватный человек. Он же не может просто купить меня, потому что захотелось?

Или может?

Вот это и надо выяснить.

А для этого стоит быть во всеоружии.

Элина Сергеевна, нужно отдать ей должное, обеспечила меня весьма неплохими нарядами на все случаи жизни. Просто я, ей на зло, старалась не носить то, что она покупала. А выбирала сама.

«Обноски секондхэндские, будто мы нищевороды какие-то!» – так обычно, морща идеальный нос, комментировала мои приобретения мать.

А мне нравилось – практично, удобно, стильно.

Но сейчас стоит поступиться принципами и выбрать что-нибудь из купленного ею.

Благодаря стараниям матери, которая всегда говорила, что товар должен быть в надлежащей упаковке, у меня в шкафу несколько весьма красивых вечерних платьев.

Выбираю шёлковое, цвета незрелых яблок. Под мои глаза. А ещё оно подойдёт к хризантевой «капельке» – подарку от Вадима. Он очень хочет баловать меня, но я не разрешаю. Простенький кулон можно списать, например, на подарок салона ко дню рождения. Помню, мне на двадцатилетие как раз приходила подобная рассылка. А будь у меня настоящая драгоценность – выкрутиться было бы гораздо сложнее.

Приготовив наряд и аксессуары, иду в ванну. А после водных процедур – долго колдую над своей непокорной рыжей шевелюрой. Решаюсь даже на лёгкий, едва заметный макияж.

В результате делаю на голове растрёпанный пучок, из которого к вискам и на шею выпадают непослушные локоны-заманушки.

Зелёный шёлк приятно струится, облекая и подчёркивая фигуру. «Капелька» в ложбинке между моих грудей поблёскивает кокетливо и призывно.

Когда я выхожу на лестницу, чтобы спуститься вниз, Ресовский как раз входит в холл.

И замирает.

На какое-то время мне даже кажется, что я вижу в его глазах восторг.

Это предаёт мне сил идти к нему с гордо поднятой головой.

Я протягиваю руку, Ресовский галантно подносит её к губам. И при этом не сводит с меня глаз. Его взгляд чересчур пронизателен. Мне кажется, он сейчас вывернул меня наизнанку и прочёл каждую мою мысль. Даже те, что я прячу глубже остальных.

Появляются родители, суетятся, ведут к столу.

Мать, наверное, соскребла все копейки со счёта, чтобы заказать такой роскошный ужин. Должно быть, игра стоит свеч, раз она так швыряется деньгами, которых, вообще-то, с гулькиных нос – сама же просила помочь ей с отчётами в прошлом месяце. Я видела, что все её магазины женского белья – их у матери пять по всему городу – уже несколько месяцев выходят в ноль.

Мы рассаживаемся.

Ресовский оказывается напротив меня. Смотрит так – вот-вот дыру прожжёт. Кусок в горло не лезет. После короткого дежурного разговора, он, наконец, произносит главное – и я благодарна ему сейчас.

– Мирон Михайлович, – обращается к отцу, даже не подозревая, что глава семейства у нас далеко не он, – нам с Вероникой нужно переговорить наедине. Не могли бы вы проводить нас в свой кабинет?

Элина Сергеевна, было, подпрыгивает выполнить просьбу – ведь кабинет её, а не отца. Он же дела не ведёт. Но Ресовский осаживает её властным взмахом руки:

– Не утруждайте себя.

Она сникает – видимо, собиралась не только проводить, но и подслушать.

Мирону Михайловичу приходится выбираться из-за стола и, перекатываясь, как шар, поминутно вытирая пот со лба, вести нас в кабинет.

Ресовский крепко держит меня за руку, будто намекая: больше не сбежишь.

А я и не собираюсь – мне тоже нужен этот разговор. И надеюсь, что буду услышана.

Наконец мы остаёмся тет-а-тет. Он кивает мне на кресло, где обычно располагаются посетители. А сам устраивается за столом, как хозяин. И это подавляет. Он подавляет. Я как будто на ковре у декана, и меня сейчас будут распекать попойкой. За несуществующие прогулы и дурные отметки.

Ресовский рассматривает меня не без лукавства. Потом его красивые губы кривит ехидная ухмылочка, и он произносит:

– Как думаешь, Ника, зачем я тебя сюда позвал?

Хорохорюсь, делаю вид, что мне не страшно, хотя страшно и очень. У него в глазах мелькает что-то такое, что меня продирает холодом вдоль позвоночника.

– Наверное, наказать за побег, – выдвигаю предположение.

Он обхватывает подбородок рукой:

– Мне определённо нравится ход твоих мыслей. Но – если бы я хотел наказать, уже бы наказал. Так, что ты бы неделю не села на свою прелестную попку.

Эти разговоры... и он сам – они странно действуют на меня. Где-то на краю сознания я вдруг думаю о том, что хотела быть наказанной. Им.

Одёргиваю себя – это же предательства Вадима!

Ресовский, безусловно, замечает мои метания и самодовольно усмехается.

– О, даже так. Учту!

Он будто рентгеном меня насквозь просвечивает и мысли читает. Грешные, неправильные, не пойми откуда пришедшие.

Он не нужен мне. Я люблю Вадима и хочу быть с ним.

– На самом деле я хочу с тобой просто поговорить. Пока что.

– О чём?

– О твоём благоразумии, Ника. Как ты правильно понимаешь – ещё один побег тебе с рук не сойдёт. Поэтому даже не замышляй ничего. Более того, если найдёшь союзников – они тоже пострадают.

И вот тут мне становится страшно – ведь Ресовский действительно может причинить вред Вадиму. Кому угодно может причинить. С его деньгами он может творить любую дичь, и всё равно выйдет сухим из воды.

Холодею, ёжусь, обхватываю себя за плечи.

Зря вырядилась в такое открытое платье.

Неожиданно Ресовский встаёт, подходит ко мне, снимает пиджак и набрасывает мне на плечи.

Огромный, горячий, пахнет им.

Я тону в нём – в его запахе, его тепле.

Сам Ресовский остаётся сейчас в белоснежной рубашке и классическом жилете с бархатными вставками. У него старинные – наверное, фамильные – часы на изысканной дорогой цепочке. И сам он немного старомодный – начиная с имени и заканчивая костюмами-тройками.

А ещё тем, что до сих пор не выбрался из крепостного строя – считает, что любого можно купить и продать.

– Это не угроза, Ника. Предупреждение. У меня очень хорошая служба безопасности. Мой главный эсбэшник найдёт любого.

Ну, Вадим тоже не лыком шит. Уж я-то знаю. Кроме разрешённого, его фирма занимается вещами полулегальными – системы слежения, прослушка, кодированная связь. Где-то с полгода назад Вадима даже звали в подразделение, которое борется с кибермошенниками. Но он у меня художник вольный. И, к тому же, сейчас – сам себе хозяин. Но нужные контакты в спецслужбах имеются.

И всё-таки я бы не хотела, чтобы на любимого обрушился гнев Ресовского. Значит, бдительность его надо усыплять убедительно.

– Да не собираюсь я бегать, – говорю почти правду. Потому что собираюсь убежать один раз, но навсегда. – Но, если честно, хотела бы, чтобы весь этот фарс с нашей свадьбой закончился. Вообще-то, Аристарх, я люблю другого. Уже два года. Неужели тебе нужна жена, которой ты безразличен?

Он слоняется ко мне, буквально, нависает. Упирает руки в подлокотники кресла с обеих сторон от меня, так, что я оказываюсь в ловушке – зажата, не выкрутиться.

– Давай проясним сразу, – говорит он, глядя мне прямо в глаза, его – сейчас кажутся чёрными, их затопляет недовольство, – во-первых, никаких *других* для тебя больше не существует. Ты – моя, а за своё я откусываю голову. В полёте. А за измену – устрою тебе ад, так и знай. Попробуй мне только в брачную ночь оказаться не девственницей. Во-вторых, выброси из головы бредни про любовь. Её не существует. Это придумали идиоты для идиотов. Я не буду скрывать – ты очень привлекаешь меня, как женщина. И в нашей жизни я окружу тебя комфортом и заботой, ты не будешь ни в чём нуждаться...

Я фыркаю:

– Уверен? А если я всё-таки буду нуждаться в той самой идиотской любви? Не забывай, мне всего двадцать.

– Ты умная девочка, – произносит он, – рациональная. Твоя мать мне о тебе многое рассказала. Я думаю, мы сможем с тобой найти консенсус.

Ага, и как говорил герой одного старого фильма: «И ногами его! Ногами!»

– А если я не захочу искать и отказываться?

– Мне придётся тебя мотивировать, – говорит он и улыбается при этом так, что мне становится жутко.

Но лишь на миг.

Потому что решение я уже приняла, дорогой ненужный мне муж. Приготовлю для тебя кое-какой сюрприз на брачную ночь.

Но Ресовский выбивает у меня почву из-под ног:

– С завтрашнего дня начинаешь готовиться к свадьбе. С утра приедет моя помощница, Алёна Темникова, и будет с тобой до самого ЗАГСа – есть, спать, жить здесь. С твоими родителями я уже договорился. Знаю, что комната у тебя большая. Так что две хрупких девушки в ней нормально поместятся.

– Аристарх, – прищуриваюсь я, – тебе, правда, нет дела до моего мнения на счёт всего этого? Не волнуют мои интересы, мои желания?

– Ника, ты правильно сказала – ты ещё очень молода. У тебя зашкаливает юношеский максимализм. Но поверь взрослому дяде – и мечты, и желания, и интересы нередко меняются с годами. Притом – на прямо противоположные.

– А если я не поменяюсь, а ломаюсь?

– Не волнуйся, я буду рядом. Поддержу в нужный момент.

Сама заботливость...

... и непробиваемость.

Он наклоняется, целует меня в лоб, как «папочка», и с мягкой улыбкой говорит:

– За пиджаком заеду завтра. Алёна привезёт с собой карту на твоё имя. Оторвись по полной, рыжуля. Ни в чём себе не отказывай.

И уходит.

Вальяжной походкой.

С видом победителя.

А я чувствую себя загнанной в угол и готовой свалиться в панику.

Уныло иду в свою комнату, сославшись на дурное самочувствие, когда Элина Сергеевна бросается ко мне с расспросами.

Сажусь на пуф перед зеркалом, разбираю причёску. Взгляд случайно цепляется за экран смартфона, лежащего на туалетном столике. Надо же, пятнадцать пропущенных.

И все от... Маши!

Глава 3. Старые враги и новые друзья

НИКА

Пока слушаю гудки в трубке – успеваю многое передумать. Пытаюсь найти причину для её звонка. Элина Сергеевна говорила, что Маша звонила ей – ябедничала, что я ушла с Ресовским. Думала, расстроить. Ога, как же! Моя маман только этого и ждала.

Так чего же тебе надо, подруга?

И Маша удивляет меня:

– Ника, выручай! – сходу начинает она, как только принимает вызов.

– Вот так сразу? – удивляюсь я. – Даже не взгреешь меня за то, что олигарха из-под носа увела?

– Да чёрт с ним! – продолжает шокировать меня Машка. – Не до него сейчас!

– Это что же должно было стрястись, чтобы ты мне такой эпик фейл простила?

– Макс, сволочь! Подставил меня! – Машка натурально всхлипывает и быстро рассказывает. – Представляешь, он позвонил моему отцу и сказал, что я вместо учёбы по клубам и дискотекам зависаю. Для убедительности ещё и мою зачётку отфоткал и сбросил папе. Мой старик рассвирепел и заблокировал все мои карты, представляешь!

Она заходится в рыданиях.

Видимо, действительно, в отчаянии, раз звонит мне по поводу денег. Знает же, что я на мели.

Так и говорю честно:

– Извини, у меня самой голяк.

– Ты о чём вообще? – с недоумением произносит Машка.

– О деньгах. Тебе же нужны деньги, – решаю сразу расставить точки над «i». – И у Ресовского занимать не буду. Не проси даже.

Марья пфыкает на той стороне трубки.

– Мать, да ты кукухой поехала! – ржёт она. – Ты последняя, кому бы я звонила по поводу денег. Нет, с деньгами мне как раз-таки Макс поможет – моральная компенсация, так сказать. Мне нужна твоя голова.

– Голова? – я туго соображаю, после всего, что уже случилось за день.

– Да, твои мозги, Ника, – продолжает веселиться Машка. – Чтобы их съесть! – переходит она на загробный тон, а меня резко отпускает: одногруппница стебётся. Ну, конечно. Нужна помощь с учёбой! Как я сразу не догадалась. И Машка подтверждает мою догадку: – Представляешь, папан не только карты заблокировал, он ещё деканат позвонил и подкинул им денег, чтобы с меня спрашивали побольше. Короче, Ник, я тут по уши в рефератах и контрольных. И половину этого дерьма надо к завтра. Если ты не поможешь – мне капец. Выручи, ну, пожалуйста.

Машка даже не злится и столько раз мне помогала раньше. Будет неправильно кинуть её сейчас.

– Окей, – говорю, – жди. Переоденусь только.

Ну да, не тащится же к Машке в таком виде!

Спешно переодеваюсь, швыряю в сумку кое-какие вещи и бегу к двери. К счастью, родители слишком заняты спором «кто царь, а кто царица», что не замечают моего променада.

Я спокойно выхожу из дома и устремляюсь в сторону трамвайной остановки. Мы живём на конечной двадцатого маршрута. Но и то идти прилично, полкилометра мимо рощи и новостроек.

И когда я уже добираюсь до остановки, снова разрывается телефон. Беру гаджет, смотрю на экран. Вадим? А ему что нужно?

– Привет, милый.

– Виделись, малыш, – без привычного тепла отзывается он. – Лучше скажи, куда ты собралась на ночь глядя?

Ну, конечно. Он же может отслеживать мои передвижения. Я сама позволила ему поставить всякие программы в мой смартфон.

– К Машке еду.

– Вы же поссорились. Из-за Ресовского. Ты сама рассказывала, – напоминает Вадим.

– Уже помирились.

– Как-то быстро, – в голосе любимого явное недовольство. – Насколько я знаю девиц, подобных твоей Машке, так просто уведенный из-под носа ходячий кошелёк они не прощают.

Конечно, он знает таких, как Машка. Он работает с богачами. Невольно следит за их жизнью. Но сейчас паниковать ни к чему.

– Не переживай, – успокаиваю я, потому что замечаю красную морду трамвая, спешащего к остановке, – её учёбой завалили. Отец узнал, что она творит – карточки заблокировал и попросил преподавателей ей надавать. Машке сейчас не до олигархов.

– Малыш, мне всё равно не нравится, что ты едешь чёрте куда в ночь.

Я злюсь и выпаливаю:

– А мне не нравится, что мужчины в последнее время решают за меня, что я должна делать и как!

– Малыш, – в голосе Вадима прорезается металл и даже нежное прозвище он произносит грозно, – ты нарываешь!

– Ой, всё! – бешусь я и отбиваю вызов. И выключаю телефон – знаю, Вадим не успокоится.

Достали! Ей Богу!

Я сама могу решать, куда и когда мне ехать!

С такими мыслями сажусь в трамвай и совершенно без происшествий добираюсь до Машкиного дома. Квартира у неё – в элитном жилищном комплексе. Отец купил ещё на первом курсе, чтобы дочке было комфортно учиться. Ох, не знал Давид Александрович, что его любимая Машутка там *комфортно* делала!

Поднимаюсь на третий этаж, и чем ближе подхожу к Машкиной квартире – тем сильнее становится дурное предчувствие.

Потому что из квартиры доносятся звуки отнюдь неучебные – всюду грохочет музыка, кто-то смеётся.

Дверь приоткрыта, поэтому я вхожу без стука, прохожу вперёд по полутёмной прихожей, когда слышу, как дверь за спиной закрывается и щёлкает замок.

Резко оборачиваюсь и закрываю рот рукой, глуша крик. Потому что передо мной, нахально улыбаясь, стоит омерзительный призрак из моего прошлого...

Эдик Милонов... Отброс, который мне ещё в школе жизни не давал. Хулиган, двоечник, отщепенец. Пить и курить начал ещё в начальной школе. Семья у него была такая же – мать-алкашка и всё время менявшиеся отцы – урки, наркоманы и прочая шваль. При этом Эдик ещё и внешне – мерзкий: маленькие, близко посаженные, мутные глаза, крупный нос, губы-пельмени. Фу!

Откуда он в Машкиной квартире?

В гостиной затихает музыка, и в прихожую вываливают ещё двое – видимо, кореша Эдики.

– О, а вот и сладость пришла! Не наебала Машуня!

Пячусь к стене, мотаю головой, будто это сможет прогнать кошмар, творящийся здесь.

– Кто? Что вы тут делаете?

– Тебя ждём, Зайцева, – напирает Эдик. Он немного выше меня, неплотный, от него разит немытым телом и дрянным пойлом. – Ты мне ещё с выпускного отсос должна.

Лезу в сумку, пока у меня есть такая возможность. Нащупываю телефон. И тут же – корю себя: дура! отключила! У моего аппарата кнопка включения сбоку, да и грузиться он будет секунд пятнадцать, а то и больше.

Блин.

Вадим, если узнает, меня убьёт. И ведь будет прав. Что за демон противоречия в меня вселился сегодня? Ведь мне нравилось раньше, что Вадька немного командует – никогда во зло, не унижая, а просто потому, что старше, мужчина и ответственность на нём.

Я позволяла ему быть сильным и главным в нашей паре. Это нормально для меня. Так почему взбеленилась? Не иначе, Ресовский, гад, со своими собственническими, а точнее – феодальными замашками. Навострилась с ним сопротивляться и противоречить.

Чёрт-чёрт-чёрт...

Грязные лапы Эдьки начинают шарить по моему телу. Хорошо, что я в ветровке и джинсах. Так просто не раздеть.

Его дружки тоже обступают, зажимая в тесном пространстве прихожей.

Их намерения откровенно написаны на гадких рожах.

Меня трясёт. Я никак не могу включить телефон. Почти ненавижу себя в этот момент.

Что делать? Надо же как-то потянуть время. Запудрить им мозги.

– И всё-таки, – начинаю, делая всё, чтобы голос не дрожал, – где Маша?

– А Маша с парнем своим... – говорит Эдик. – Тебе интересно, как я тебя нашёл? А через Машу и нашёл. У тебя ж в ВК страничка пустая, за то у неё – забитая. Там есть и твои фоточки. Дальше – дело техники. И вот я здесь. Сегодня Машенька мне сама написала. Сказала, что помнит мой интерес к тебе и дарит нам возможность побыть вместе. Просила друзей прихватить. И вот мы пришли. Все твои. – Он разводит руки, пытаюсь меня обнять.

Но тут его, как котёнка, отшвыривают от меня прочь.

Ещё двое других, нервно оглядываясь, ковыляют к двери. Она сейчас просто нараспашку. Человек, который появился внезапно, видимо, ловко открыл отмычкой. Или чем там открывают.

Он очень высокий, наверное, одного роста с Ресовским, с холодным режущим взглядом серых глаз.

– Девушку я забираю, – говорит тихо, но от одного только звука его голоса пробирает дрожь.

Встреть я такого человека в тёмном переулке – шарахнулась с криком. Он – во сто крат опаснее тупых отморожков, что пытались меня здесь зажимать.

Сейчас они кивают, как китайские болванчики, и даже не думают ему возражать.

Он берёт меня за локоть и тянет за собой, приказывая:

– Шевели ногами. У нас мало времени.

Когда мы оказываемся в лифте, я рассматриваю его получше – наверное, его можно было бы назвать красивым, не будь черты лица такими холодными и резкими. Он одет в джинсы, мягкий светло-коричневый джемпер и чёрную кожаную куртку.

И кого-то мне напоминает – этот разрез светлых, льдистых глаз, волевой подбородок, ежик на голове.

Но моё сознание в ступоре и неспособно сейчас разглядеть очевидное.

– Кто вы? – наконец, решаюсь спросить. – Почему пришли за мной?

Меня натурально колотит от близости этого страшного человека.

Он или бандит, или, наоборот, слишком принципиальный правохранитель.

– Виноват, не представился, – по-военному чеканит мужчина, подтверждая одну из моих догадок. – Глеб Темников, служба безопасности «РесФарм».

– Темников? – и вот тут сознание отмораживается. – Алёна Темникова. Ресовский сказал, что пришлёт её ко мне завтра. Она ваша родственница?

– Жена, – сразу расставляет точки над «i» мой спаситель, – и личный референт Ресовского.

– Так это он вас послал следить за мной? – ну как я сразу не поняла.

– Нет, брат попросил.

– Какой брат? – удивляюсь я.

Ещё кому-то есть дело до меня? Я прямо приманка для извращенцев!

– Двоюродный.

– Но зачем? – пытаюсь возмутиться.

– Переживал о тебе, а сам приехать не мог. Заказ у него срочный.

– А брата как зовут? – спрашиваю, хотя и подозреваю уже, каким будет ответ. Потому что только сейчас понимаю, на кого похож этот Глеб.

– Вадим Сорокин. Знаешь такого?

Вот так незадача!

Отвечать мне не нужно – Глеб отлично понимает всё по моему ошарашенному лицу и грустно улыбается:

– Невесёлый расклад получается, да, рыжая?

Киваю: ещё какой невесёлый.

Дальше едем молча, так же молча выходим из дома и садимся в машину.

Однако когда подъезжаем к офису Вадима, я понимаю, что просто не могу выйти из машины. У меня нет смелости посмотреть любимому в лицо после того, как я его почти послала.

Но Темников безжалостен, он открывает дверь с моей стороны, протягивает руку и говорит:

– Идём!

– Может, домой? – всё-таки предпринимаю попытку договориться, вскидываю на мужчину просящий взгляд.

– Нет, – резко отвечает он. – Делов натворила – будь добра отвечать. Вадим извёлся весь.

Вздыхаю, вкладываю ладонь в его, выхожу из машины, бреду за ним следом, понуриив голову.

Вадим встречает нас у входа, и в глазах любимого я вижу арктический лёд. Сейчас братья похожи ещё больше – вот этим вот холодом в глазах, острым режущим взглядом.

Глеб отступает, а Вадим хватает меня за шею – довольно грубо и больно, притягивает к себе и впивается в мои губы жёстким злым поцелуем. Он никогда раньше не вел себя так со мной – всегда был бережным, деликатным, нежным.

Но эта агрессия неожиданно будоражит меня. Хотя раньше я никогда не млела от грубости. Сейчас отвечаю ему так же жадно, вдруг осознав, что сегодня могло случиться нечто такое, после чего я... просто бы умерла.

Вадим с коротким взрыком отрывается от меня, прижимает к себе, прячет лицо в волосах:

– Дура! Я чуть с ума не сошёл! Непослушная! Взять бы ремень да взгреть бы твою прелестную попку!

Второй мужчина за день говорит мне о наказании, и второй раз это меня заводит. Притом так, что приходится сжать бёдра, потому что между ног стремительно мокреет.

Но вместо наказания любимый лишь крепче стискивает меня, лишь надёжнее прячет в кольцо рук.

– Прости, – шепчу, сглатывая слёзы. – Больше никогда так не буду делать. Буду тебя слушаться.

В этот раз он целует меня нежно, как всегда, берёт за руку и ведёт к столу, где они с ребятами обычно проводят летучки.

Следом за нами топает и Темников. Во время нашего разговора он стоял, прислонившись затылком к стене, прикрыв глаза и сложив руки на груди.

Наши отношения его не касаются. Приятно иметь дело с тактичным человеком.

Вадим, как гостеприимный хозяин, делает нам напитки – мне чай с ромашкой, Темникову и себе – крепкий кофе.

Отпив пару глотков, Глеб ставит кружку на стол и говорит:

– Что собираешься делать дальше, мелкий?

Вадима передёргивает от такого обращения, но, видимо, старшему брату можно. Смотрю на них, пытаюсь понять, какая между ними разница – наверное, около десяти лет. Вадим выглядит таким молодым сильным волком, а Глеб – матёрым стрелянным волчарой, вожаком, главным.

Вадим садится рядом со мной, кладёт руку на спинку стула, на котором я сижу, словно обнимает, очерчивает территорию, и уверенно произносит:

– Уехать хочу. За границу. Через две недели меня ждут в тамошней IT-компании. Нику с собой возьму, там поженимся.

– Хороший план, отличный просто, но есть одно «но» – мой босс.

Мы все переглядываемся и тяжело вздыхаем.

А Темников продолжает:

– Три дня назад он попросил меня собрать информацию об одной рыжей девушке, которую случайно увидел из окна машины.

– Лихо! – тянет Вадим, собственнически прижимая меня к себе. – Прямо пришёл, увидел, захотел.

– Так и есть. И Ресовский не тот человек, который легко отказывается от своих желаний. Тем более что он уже договорился с родителями Ники и собирается жениться на ней.

Ладонь Вадима на моей талии сжимается сильнее: моё! не дам! rrr!

– И что ты предлагаешь мне, Глеб? Отступить?

– Ни в коем случае, – серьёзно отвечает тот, – иначе перестану считать тебя своим братом. Мы своих женщин не отдаём, а сражаемся за них до последней капли крови.

И я с ужасом вижу, как в любимых голубых глазах загорается холодная решимость. Он готов – именно так, до последней капли...

Нет! Не надо, любимый, прошу!

Накрываю своей ладонью его ладонь, прижимаюсь к плечу.

Мне страшно, за него страшно.

Он у меня слишком хороший, слишком порядочный, чтобы ввязываться в грязные игры Ресовского.

– Прости, Вадька, – неожиданно тихо и грустно произносит Глеб, – когда Ресовский дал задание найти рыжую девчонку, я не знал, что речь идёт о твоей девушке.

– А если бы знал? – в лоб спрашивает Вадим.

– Если бы знал – придумал бы что-нибудь.

– А теперь, когда знаешь?

– Теперь всё намного сложнее, мелкий. Я предателем никогда не был и начинать не собирался. Более того, крыс всяких и сам не жаловал, ты же знаешь. А тут какой шаг не сделай – всё предательство: либо босса, либо брата. Могу одно сказать – пока стоит играть по правилам Ресовского. Чтобы он ничего не заподозрил. Готовиться к свадьбе. Мне же надо всё взвесить. У меня Алёнка беременна. И любой мой неверный поступок срикошетит по ней.

Вадим понимающе кивает.

И пока что мы решаем придерживаться такой линии...

Алёна Темникова оказывается очень пунктуальной и подъезжает к нашему дому, едва успеваем закончить завтрак.

В Академию сегодня идти не надо – там какая-то проверка (не иначе, Машкин отец постарался), поэтому я могу спокойно пообщаться с Алёной. Она сразу же располагает меня к себе тем, что, только появившись в гостиной, вежливо, но очень строго просит Элину Сергеевну оставить нас наедине.

Мать фыркает, но перечить не смеет: Алёна – личный референт Ресовского, и ссориться с ней было бы глупо.

Когда она уходит, я приглашаю Темникову усесться на диван. И сама во все глаза смотрю на неё, поражённая тем, как эта женщина может быть рядом с таким мужчиной, как Глеб. Он же изо льда и стали. А она – нежная, мягкая, предельно женственная. Ей очень идёт небольшой округлый животик. Он довольно хрупкая и миниатюрная. А ещё – сказочно красивая. Толстая пшеничная косища до пояса, огромные серо-голубые глаза, фарфорово-белая кожа, алые губки, тронутые лишь лёгким блеском. Похоже, она, как и я, не пользуется косметикой. Впрочем, при такой красоте это и не нужно.

Для меня странный её вид. Потому что мне кажется, что такие мужчины, как Глеб, подавляют и подчиняют своих женщин. Что в быту они сущие тираны. Но Алёна вовсе не выглядит затерроризированной, угнетённой и запуганной, наоборот – она излучает счастье, уверенность, спокойствие. Залюбленная, сияющая, довольная.

Алёна ласково улыбается мне:

– Ты смотришь на меня, как на диковинку.

И я не могу не расплыться в ответ, потому что она берёт меня за руки, как старинная подруга.

– Это потому, что я не могу представить вас рядом с Глебом Николаевичем, – признаюсь честно.

– Вас? – она вскидывает тёмно-золотые дуги идеальных бровей. – Я всего на пять лет тебя старше. Не записывай меня в пенсионерки. И.. что касается Глеба, – её голос теплеет, а в глазах появляется мудрый свет, – то я не представляю себя без него. Он у меня действительно опора и каменная стена – надёжный, преданный, любящий. Мне страшно представить, что было со мной, если бы я не встретила его...

Алёна говорит это так, что моё сердце пропускает удары. Оно тоже полно любовью к мужчине, так похожем на Глеба. Уверена, с Вадимом я тоже буду, как за каменной стеной.

Однако Темникова возвращает меня с небес на землю:

– Ну что мы всё обо мне. У нас же ты, Ника, на повестке дня. И сейчас мы с тобой поедem тратить просто неприличные суммы.

Из своего строгого элегантного клатча она достаёт пластиковую карту на моё имя.

И я сникаю – мне совсем не хочется прикасаться к этим деньгам. Каждый потраченный рубль – минус моей свободы, независимости, выбора.

– Алёнушка, – говорю я, заглядывая ей в лицо и надеясь на понимание, – убери эти деньги. Довольно уже того, что перевёл на счета моих родителей. Не хочу от него ничего.

Темникова мрачнеет и внезапно переходит на ледяной, чеканный тон, в духе своего мужа:

– Послушай, Ника, давай общаться, как взрослые деловые люди. Я приехала сюда не в бирюльки с тобой играть. У меня чёткие указания на твой счёт. Поэтому обойдёмся без эмоций, – и уже смягчаясь, добавляет: – Я отлично понимаю, как ситуация выглядит с твоей стороны. Но, увы, изменить её, не породив ком проблем для всех, кто вовлечён, ты уже не сможешь. Значит, постарайся изменить своё отношение к ситуации. – И совсем уже тихо, заговорщицки: – Хотя бы пока. – Она подмигивает мне. – Глеб рассказал мне о вас с Вадимом.

И знай, я на вашей стороне. Но пока – пока реальность такова, что ты – невеста Ресовского и через две недели у вас свадьба. Прими это и действуй в заданных параметрах.

Алёна пожимает мою руку, а в моём сердце поселяется уверенность – я не одна, у меня есть союзники. Значит, всё выгорит.

– Неприличные суммы будем тратить, говоришь? – лукаво интересуюсь я.

– Просто баснословные, – включается в игру она.

Я вскакиваю с дивана, выкидываю руку вперёд, в подобии жеста супермена, и радостно кричу:

– Без страха навстречу растратам!

Алёна хохочет.

Кажется, сегодня я обрела первую настоящую подругу.

Дальше идут дни, похожие на клоны.

С утра я на занятиях в Академии. Пока есть возможность – учусь. Хотя именно учиться – возможностей становится всё меньше. За мной прямо-таки охотятся журналисты и любящие хайп блогеры. Потому что Машка, чтоб её, разместила у себя на страничке слёзную историю о том, как злобная одноклассница, то бишь – я, увела у неё из-под носа желанного мужчину. И тысячи её фолловеров как один встали на защиту обиженной и угнетённой Маши. Среди её подписчиков оказались блогеры и папарацци, не дававшие мне теперь проходу. Хотя уже не столько ради Маши – им самим хотелось знать подробности столь сенсационной истории.

Ведь сам Ресовский от комментариев уклонялся.

И вот теперь мне приходится ходить на занятия в сопровождении верзил-охранников, приставленных моим новоявленным женихом. Он, конечно же, узнал о том, что меня преследуют, и проявил вот такую своеобразную заботу.

Девчонки мне завидуют и ахают с верзил, что маячат у меня за спиной. Но только напрасно – это роботы, а не люди. Я проверяла.

Машка на занятия не является. От старосты узнаю, что она и вовсе собирается брать академ. Вот как, *подруженька*?! В позу страуса, значит! Только я так просто твою выходку не оставлю.

С Максом пересекаюсь в библиотеке – наверное, со всего курса управленцев он единственный парень, который приходит сюда.

– Максим, – окликаю.

Он оборачивается, прожигает взглядом. С чего бы? Я ему ничего не сделала? Потом довольно бесцеремонно берёт за руку и уводит за стеллажи.

Внимательно смотрит в глаза и спрашивает:

– Машка что-то учудила?

– Да, – признаюсь честно и рассказываю, что именно – и про отморозков в квартире, и про пост в Фейсбуке.

В процессе моего рассказа Максим сжимает-разжимает кулаки. Он здоровенный, регбист, кулаки – пудовые.

– Вот же коза! – резюмирует он. – Приду домой – взгрею её, как следует.

Пугаюсь.

– Ты что побьёшь её? – как бы Машка мне не подгадила, но навлекать на неё гнев Макса мне не хочется.

– Нет, – заверяет он, – я девчонок не бью. – И чуть мнётся. – Не так, как ты решила. Просто высеку её. Чтобы ум прорезался.

Вот тут уже не жалею: хорошая порка – меньшее, что она заслужила.

... напрягает, что мы почти не видимся с Вадимом. Даже общаемся редко и то, по закрытой сетке. Иногда устраиваем конференции, в которых к нам присоединяется Глеб. Он заверяет нас, что всё под контролем и что он нашёл способ, как сделать, чтобы обе стороны были довольны.

Нам ничего не говорит. Но Вадим ему безоговорочно верит. И я заражаюсь его верой. В остальное время мне приходится отыгрывать счастливую невесту Ресовского.

Мы с Алёной носимся по салонам, по флористам, поварам. Тратим действительно просто неприличные суммы. Но мне совсем не стыдно. Ресовский сам сказал: должно быть всё самое лучше! Это же его свадьба. Очередная его игрулька!

Я ненавижу его. Презираю. Но пока – пляшу под его дудку по его правилам.

Однажды, заметив, с какой миной я заканчиваю очередной телефонный разговор с Ресовским, Алёна берёт меня за руку и говорит:

– Зря ты злишься на него. Он не такой уж плохой. И искренне увлечён тобой.

– И я должна быть за это благодарна? – вскидываю брови.

Алёна поджимает губы и качает головой:

– Разумеется, нет. Но ты пойми, такой человек, как он, мог просто поразвлечься с тобой.

А он женится.

Иногда мне кажется, что лучше бы просто поразвлёкся и бросил. И я бы была с Вадимом. Пусть искорёженная, но свободная. А там – мы бы с любимым вместе выкарабкались. Я знаю – Вадька бы меня не бросил, вытащил бы, зацелил бы раны.

Замужество в моём случае – это плен. Рабство. Полная потеря свободы.

К концу первой недели, когда у меня уже рябит в глазах от вариантов свадебного дизайна, платьев, тортов, причёсок, приходит сообщение от Ресовского: «Будь готова к восьми. Форма одежды – нарядная. Заеду за пиджаком и за тобой».

Вот так – в одну строчку – пиджак и я.

И даже не знаю, что ценнее.

АРИСТАРХ

– Арис! Скажи, что это неправда! – маман почти визжит в трубку. – Очередная глупая утка жёлтой прессы! Если так – эти писаки пожалеют!

Хмыкаю, представив, как моя разъярённая родительница громит редакции. А с неё станет. Она может.

Но врать ей и что-то скрывать я не намерен. Поэтому отвечаю, пожалуй, излишне резко:

– Это правда, – повисает пауза, мать, должно быть, обдумывает мои слова, а я продолжаю:

– Моё осознанное решение. Ты ведь сама хотела, что бы я женился. Вот, женюсь.

Мама тяжело вздыхает, и во мне шевелится запоздалое чувство вины – непутёвый я сын, слишком часто расстраиваю её, не соответствую ожиданиям. Ведь после смерти отца она одна тащила «РесФарм». Я мажорил, мне было не до того – клубы, курорты, девицы. Беззаботная жизнь богатенького маменькиного сынка – позднего, единственного, залюбленного. Мать поднимала и волокла империю, а я – бездарно сливал заработанные ею бабки. Отец и при жизни-то ей помощником не был. И мать привыкла, что с яйцами у нас – она.

Я лишь три года назад сел в кресло гендиря «РесФарм». Мама чуть попустила бразды правления, передав мне вожжи. Но осталась у руля – хозяйка, императрица, основательница. Непререкаемый авторитет для старой гвардии сотрудников. Я не стал никого менять, потому что знал, с каким трудом мать отбирала их, оставляя только самых преданных, верных, настоящих фанатов.

Мать имеет все права требовать от меня подчинения. Наверное. В теории. Только я уже не мальчик. Далеко и давно не мальчик. И ей придётся учиться считаться с моими интересами. Упрямством и властностью я в неё.

– Да, я хотела, чтобы ты женился, – отмораживается, наконец, мама по ту сторону трубки. – Но на достойной женщине – взрослой, самодостаточной, сильной. А ты пигалицу нашёл, у которой ещё молоко на губах не обсохло. Что ты с ней делать будешь?

О, лучше спросить – чего не буду. Фантазия у меня богатая, а девочка – очень сладкая. Настолько, что я даже не думаю о других. Все разом исчезли и перестали интересоваться. Только одна рыжая бестия в башке. И когда думаю о ней – улыбаюсь, как последний придурок. И всерьёз намерен хранить ей верность после свадьбы. Кажется, у меня с крышей нелады. Кому скажи, что бабник и ловелас Аристарх Ресовский собирается стать примерным семьянином – засмеют. Я и сам бы засмеял неделю назад. А теперь только и думаю, как окольцую её, затащу в постель и сделаю своей по-настоящему. Заставлю кричать от удовольствия и забыть всех других мужчин.

Да уж, наверное, насмотрелся на Темниковых и переопылился. Они же прям как лебедь с лебёдушкой.

Истинная пара.

Я тоже так хочу!

А Ника, видите ли, влюблена! Не выйдет, милая! Ты теперь только моя и меня должна любить.

Мама что-то говорит, не очень слушаю – сижу, пялюсь в экран монитора. На фото рыжули. Как же она хороша, непосредственна, нежна. Так бы и съел всю.

Зайка.

– Арис! – вопит мама. – Ты вообще меня слушаешь?

– Нет, – честно отвечаю я. – Всё уже решено. Ресторан заказан, приглашения разосланы. Назад отыгрывать поздно.

– Делай как знаешь, – раздражённо бросает мать. – Но потом не приползай ко мне жаловаться, когда эта вертихвостка разобьёт твоё сердце.

– Не разобьёт, она хорошая, – невольно защищаю рыжулю, и ощущаю странную, иррациональную потребность делать это и дальше – защищать, беречь, прятать, рычать на тех, кто попробует отобрать.

– Ты её не знаешь! – ярится мама.

– Ты тоже, – резонно осаживаю я.

– Мне и знать не надо, – заявляет она. – Достаточно посмотреть ваши фото! Распутная девица, которая позволяет прилюдно себя целовать.

В груди поднимается волна возмущения: моя Ника – распутная?!

– Вообще-то это я её целую! – кидаюсь в бой. Хотя отлично помню – рыжая отвечала мне. И с таким пылом! Горячая крошка. Уверен, в постели она будет такой же огненной.

Хочу её. Так хочу, что плавлюсь сам.

Но она – хорошая девочка. Чистая ещё. Её нельзя марать. Это даже такой ублюдок, как я, способен понять. Поэтому – только после свадьбы. Когда на ней будет моё кольцо, а у неё – моя фамилия. Вот тогда и я буду в ней – долго, глубоко, сладко...

От картинок, которые крутятся перед глазами, плавлюсь. Мозги не способны ничего воспринимать. Мне нужна доза.

Немного рыжей, чтобы продержаться.

– ... она мне уже не нравится, – завершает не услышанный мной монолог мама и отключается.

Звон в ушах затихает. Зато член гудит теперь, как высоковольтка.

Куда не посмотрю – на стол, на кресло, на диван – везде вижу её. Как раскладываю и беру. Снова и снова. Пока оба не рухнем от изнеможения.

Блядь.

Я же рехнусь.

Ещё почти неделя!

Пиздец.

Других баб видеть не хочу. А её – портить. Не хочу себя же обкрадывать. Пусть наша брачная ночь станет подарком для обоих.

Но без контакта с нею мне не продержаться. Да и к себе приучать надо. А то дичится, шарахается. То-то будет веселья на свадьбе, когда все эти грёбанные писаки увидят зашуганную невесту Ресовского.

Поэтому решено – сегодня у нас свиданье. Буду очаровывать и завоёвывать. В конце концов, это приятно обеим сторонам. И весело.

Набираю сообщение, отправляю ей: «...Заеду за пиджаком и тобой».

Понимаю, как звучит.

Она наверняка взбесится. Пусть бесится. Это лучше.

Лучше, если она не будет пока знать, что что-то значит для меня.

А она – значит.

Много.

Гораздо больше, чем я бы хотел.

НИКА

К восьми я уже полностью готова.

Сегодня на мне простое серебристое платье на тонких бретельках. Элина Сергеевна сказала как-то, что серебро хорошо оттеняет медь моих волос. В дополнение выбираю пиджачок из светло-зелёного атласа – вечерами всё-таки прохладно – и лёгкие, светло-зелёные же, туфли-лодочки. Волосы лишь прихватываю «крабом». Просто, без изысков. Я ведь лишь дополнение к его пиджаку. Такая же вещь.

В качестве украшения снова надеваю хризолитовую «капельку». Так со мной будет частичка Вадима.

Мне страшно представить через какой ад, по вине Ресовского, проходит мой любимый. Ведь Вадька не из тех мужчин, которые срываются на женщинах, вымещают зло и обиды. Он... благородный. Он в курсе ситуации. Я сказала ему о свидании, и он одобрил – мы придерживаемся легенды. Но... ревность – она ведь иррациональна. А сама ситуация порождает неуверенность и сомнения. Конечно, Вадим этого никогда не покажет. Никогда не унижит меня сценами и претензиями. Даже находит в себе силы приободрить. Только мне от этого нелегче.

Ощуцаю себя гадкой, низкой, предательницей.

Мне хочется, чтобы всё скорее закончилось. Что исчезла эта двоякость...

А ещё – я не хочу встречаться с Ресовским, ходить с ним на свидания. Потому что... Потому что он странно, неправильно на меня действует.

Вот и сейчас сижу, жду, убеждаю себя, что люблю Вадима, а сама – утыкаюсь носом в пиджак Ресовского, вдыхая аромат, которым пропиталась вещь – терпкого парфюма, дорогого табака и чего-то ещё, личного, тонкого...

Мне нравится этот запах.

И я злюсь на себя за это.

Дверь распахивается и влетает мать.

– Негодная! – кричит она. – Аристарх Иванович приехал! А ты тут сидишь, не встречаешь!

Фыркаю, подхватываю клатч и пиджак Ресовского и равнодушно прохожу мимо неё.

Только семейных дрызг мне сейчас не хватало. Итак настроение ни к чёрту.

Останавливаюсь напротив Ресовского, задираю голову, чтобы встретить его взгляд.
В тёмно-карих глазах плещутся восторг и лукавство.
Он притягивает меня к себе и нагло бесцеремонно целует... будто метит. А я...
Я взлетаю...
Позволяю оторвать себя от пола – немудрено при нашей разнице в росте.
И нет, бабочек в животе не чувствую. Чувствую бабочкой себя. Словно проламываю
кокон. Расправляю крылья. Впервые ощущаю счастье полёта.
Нельзя.
Так нельзя...
Слабо сопротивляюсь, но в ответ на моё сопротивление Ресовский лишь усиливает напор
и углубляет поцелуй.
Вскидываю руки вверх, путаюсь пальцами в волосах... ненавижу себя и... отвечаю ему.
Роняю пиджак, он наступает на него, как на ненужную тряпку. Одной рукой придерживает
меня между лопаток, другой – обвивая талию...
Словно заграбастывая у всех, присваивая себе.
Заставляя стонать ему в губы...
Сумасшествие...
Наконец, меня отпускают и позволяют дышать.
– Ты охренительна! – хрипло произносит он. – Никогда не любил целоваться. А с тобой
– нацеловаться не могу.
В карих глазах плещутся восторг и желание. Не оскорбляющее, не унижающее – возно-
сящее.
Будь я его женщиной – почувствовала бы себя особенной, счастливой.
Но я не его.
Он нагло вломился в мой мир, захотел, цапнул, присвоил.
Я должна его ненавидеть, но я не могу.
Я отравлена им.
Порабощена.
Заклеймена.
– Идём, – Ресовский берёт меня за руку и ведёт к двери.
Его пиджак так и остаётся лежать на полу...
Он привозит меня в роскошный ресторан – я понятия не имела, что в нашем городе
существуют такие. Потому что я из другого мира.
Ресторан пуст.
Наш столик – на террасе, которая нависает над небольшим искусственным озером. В
свете фонарей нимфеи, покачивающиеся на водной глади, кажутся сияющими.
Композиция из этих удивительных цветов в добавлении нарциссов и фиалок – и на
нашем столике.
Хорошо, что не розы. Не люблю их – вычурные, холодно-совершенные, бесполезные.
Улыбаюсь цветам, трогаю их лепестки, вдыхаю аромат.
– Они такие красивые, – голос чуть дрожит от восторга. Но я не стесняюсь – он искрен-
ний.
– Как ты, – признаётся Ресовский, галантно отодвигает стул, помогает мне сесть. А потом
наклоняется и целует мне руку. – Я долго думал, какие цветы тебе подойдут, моя весенняя
девочка. Выбрал эти.
– Спасибо.
Он улыбается:
– Привыкай. Я ведь намерен каждый день бросать тебе под ноги такие букеты...
Нам приносят изысканный ужин. Я не знаю названий блюд и как их едят.

Ресовский учит меня, порой, это выходит смешно.

И мы смеёмся вместе – задорно, от души, без всякого ехидства.

Это – неожиданная сторона Аристарха. Он умеет быть таким вот – сущим мальчишкой.

Потом мы танцуем – на той же террасе и словно парим над прудом с водными лилиями.

Всё это слишком похоже на сказку. И мне слишком хорошо. А не должно быть.

И снова целуемся, жадно, взахлёб, поглощая друг друга...

– До свадьбы – ещё неделя. Как мне прожить? – Ресовский тяжело дышит, упирается лбом в мой, буквально вжимает в себя, стискивая ягодицы. Я чувствую, как он возбуждён. – Хочу тебя, – шепчет горячо, прикусывая мочку уха и посылая сладкие мурашки по телу. – С ума сводишь...

Почему, почему Вадим никогда не был со мной таким горячим? Лишь в тот вечер, когда я вернулась от Машки – позволил себе чуть больше, чем обычно.

И теперь мне приходится предавать его и таять в объятиях другого.

И предавать Ресовского, думая о Вадиме.

Я запуталась.

Тоже схожу с ума. Но – по-другому.

Осторожно выбираюсь из объятий Аристарха – он отпускает. Я, краснея, привожу убедительный довод.

Убегаю в дамскую комнату. Достая телефон.

Сообщение от Вадима: «Убежим после вашей свадьбы. Отвлечешь его. Осталось недолго. Жди»

Это отрезвляет, как холодный душ. Сносит сладкий флёр, в котором я прибываю весь вечер. Возвращает рациональность.

Неделя.

Я выдержу.

Уеду с Вадимом.

И навсегда забуду, как была бабочкой и парила над водными лилиями...

Как целовала другого и горела от его поцелуев.

У меня получится.

Обязательно.

Я верю.

Глава 4. Свадьба и аукцион

НИКА

Неделя пролетает незаметно. И вот стою перед зеркалом в доме приёмных родителей, и меня наряжают, как новогоднюю ёлку. А я, чтобы отвлечься, прокручиваю в голове вчерашний разговор с Вадимом. Он сам устанавливал в нашем доме камеры и прослушку, знает, где слепые зоны. Нам удалось уединиться и поговорить.

По выделенной закрытой линии. Словно мы важные политики.

– После свадьбы вы поедете в отель «Мистраль». Там должна пройти ваша брачная ночь, – чувствую, с каким трудом Вадиму даются эти слова. – Ресовский снял весь этаж. Кругом будет охрана. Но – прямо из номера ведёт пожарная лестница. Она крутая, не испугаешься?

Даже в такой ситуации любимый заботится, прежде всего, обо мне. И это невероятно трогает. Прижимаю ладонь к трепещущему сердцу. Радуюсь, что уже завтра мы будем вместе и далеко отсюда.

Вадим так уверенно говорит обо всём, потому что один из парней, который подрабатывает в его конторе, админит всю систему наблюдения в «Мистрале». А их в первую очередь напрягли, выдав целую кипу инструкций по поводу безопасности и личного пространства *четырёх Ресовских*.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.